

ПОВЕСТЬ О КУПЦЕ, ЗАЛОЖИВШЕМСЯ О ДОБРОДЕТЕЛИ ЖЕНЫ СВОЕЙ

ПОВѢСТЬ ЗЪЛО ПОЛЕЗНА О ДВОЮ КУПЦѢХЪ,
О ВИКЕНТИИ, ИЖЕ БЫСТЬ ОТ ГРАДА ЕНЕВЫ,
ДА О АМБРОСИИ, ИЖЕ БЫСТЬ ОТ ГРАДА ПЛЯЦЕНТИИ,
ЯКО ЕДИНЪ СО ДРУГИМ ПОБИЛИСЯ
О ВЕЛИКИЙ ЗАКЛАД О ДОБРОДѢТЕЛѢХЪ ЖЕНСКИХЪ,
ВЫПИСАНО ИЗ КНИГИ ЛѢТОПИСЦА

Во градъ Париже быша от инѣхъ странъ купцы приѣзжие и обѣщание учинили себе у нѣкоего челоуѣка во единомъ дому пребывати. И кииждо¹ купецъ во своемъ упражнении тамо пребываше. Прилучи же ся единою² сѣдѣти имъ на обѣде и между собою начаша о житии своемъ, и о домѣхъ, и о пожитияхъ³ глаголати. И между нѣкими глаголы предложили нѣкий глаголь, яко та есть вещь дивна и поистинѣ сумнительная, яко купеческия жены имуть быти добродѣтельны къ мужемъ своимъ: «В разлучении дают обѣщание благо и постоянно, еже домъ коегождо насъ⁴ добръ пасти и самой ей себе во всемъ непорочно блюсти, понеже наша братия, купеческия люди, и всѣхъ странъ и градов, часто домов своихъ лишаются, и от женъ своихъ разлучаются и, многое время чюждеземствующе, в дома своя не возвращаются. Жены же ихъ купеческия множае в домѣхъ своихъ без мужей своихъ пребываютъ, нежели с мужьями жителствуютъ».

И между тѣми купецкими людьми бысть нѣкоторый купецъ именем Амбросий, от града Пляценти, нравом же челоуекъ непостоянный и блудолюбивый. И х купецким рѣчемъ свою рѣчь изрече: «Азь поистинѣ про свою жену с похвалою рещи не могу и не ручаюся за ню, но дахъ ей волю по своей воли жити, и како может, сама себе да хранит. Всегда приказываю ей аз, дабы жила во всяком благочестии, и по се время жена моя честь хранила и мене при своей братии никогда в стыд житиемъ своимъ не вводила, и мнѣ во всемъ угодила». И иныя смѣхотворныя и блудолюбныя рѣчи про свою жену изглагола, яко всѣмъ слышавшим сотвори смѣяться.

Тамо же бысть нѣкий купецъ именемъ Викентий, от града Еневы, челоуекъ постоянный и добронравный, и благоразумный, ничего пустошнаго не глагола, ниже смѣяся, и ни смѣхотворному глаголаню внимая. И нѣкий от купецъ вопросы его, глаголя: «Викентий, ты что сѣдиши печалень зѣло? Чесо ради к симъ глаголомъ ничего не глаголеши?» Викентий же отвѣща к нимъ, глаголя:

---

¹ каждый; ² однажды случилось; ³ временное житье, проживание; ⁴ каждого из нас.

«Господие мои и братия возлюбленная, кая ваша смѣхотворная словеса слышу и недоумѣваюся, и къ сердцу ихъ не прилагаю. Еже, воспоминаия жены своя, смѣхотворно глаголати, или, вѣдая ихъ безпорочное житие, за нихъ не поручитися, то бо есть сожителницы своей самое презрѣние и немилосердие. От коегождо насъ развѣ кто каковъ порокъ вѣсть¹ за женою своею и во мнѣнии зломъ пребывает, и за ню руются не хочет. И по семъ видимому не вѣмъ, коею радостию таковыхъ, господие мои, уподобляете, яко развѣ кто таковъ порокъ вѣдаетъ за женою своею, что она мужу своему невѣрна в домовномъ житии. И тии мужие во зломъ мнѣнии отъѣзжаютъ в путь свой, всегда воспоминаетъ злымъ жену свою, и чада, и рабы, и рабыни. Таковъ бо всегда долженъ быти имать в печали и не в смѣхотворении, и отнюдь бы того зла не воспоминаати, и всеконечно мощно в забвении такову жену в дому своемъ предати. И се убо воистинну вѣмъ, яко можетъ быти тому человеку добрѣйшему и радостному, егда вѣдает в дому своемъ оставлену благонравную жену свою, с нею же купно приобретають благопрепитания себѣ и чадомъ своимъ, и рабомъ, и рабынямъ. И который мужъ и жена другъ о другѣ любезно прилѣжатъ², тамо всякое согласие бываетъ и приобретение. А идѣже нѣсть любви и сожития, тамо всегда раздоры и нестроения, и другъ от друга разлучившеся, всегда глаголють злая — мужъ про жену, а жена про мужа все злое вѣщаетъ, и всегда в радости не зѣвѣжаются. Тогда токмо и радуются, егда другъ от друга разлучаются». И паки рече Викентий: «Аз же, господие мои и братия, смѣло изрещи могу и похвалитися добродѣтелною моею женою, яко вселюбезно и нелицемѣрно со мною живетъ и добрѣ домъ мой без мене управляет, и честь свою безпорочно хранит, понеже дароваль ми ю есть Господь Богъ добронравну и добродѣтелну ко страннымъ и убогимъ, и благоприятну къ чадомъ, к рабомъ и рабынямъ милостивну и разсудителну, и во многомъ моемъ имѣнии крѣпкоблжостителну, и никоея тщеты не творящую. И того ради азъ люблю ея всею душею моею и во многомъ моемъ имѣнии вѣру имѣю без сумнѣния к ней. И, вѣмъ ея благочестие, вседушевно за ню ручаюся, что она мнѣ ни в чемъ не измѣнитъ и доброго своего нрава не переменит. И аще бы любезнѣйшая жена моя мене не любила и имѣние бы мое тощила³, и которое бы пронырство и лукавство хотя единожды учинила, и азъ бы не токмо изрядною ея красотою возделѣнь *не* быхъ и в толикомъ своемъ имѣнии ей *не* повѣрилъ, но никогда бы могль к ней возвратитися, ниже ю видѣти радостнымъ лицомъ, но всегда странствовалъ и былъ с печали убогъ и неприютенъ, и благополучия бы во своихъ купеческихъ дѣлахъ с великия печали никогда имѣти могль».

И тѣмъ похвальнымъ Викентиевымъ словамъ супостатъ диаволь позавидѣ. Купецъ Амбросій, иже от града Пляцентии, воста и нача глаголати: «Любимый мой господине Викентий! Что ты намъ про жену свою глагола, *не* можемъ в томъ вѣру яти, ибо вся быти в добродѣтельныхъ женахъ могло и можетъ быти, дабы

¹ знает; ² заботятся; ³ расточала.

жены наша без насъ, мужей своихъ, были во всем добры и с нами бы жадныхъ¹ дѣлъ не имѣли. Но понеже мы всегда странствуемъ и от любви ихъ на многое время разлучаемся, а в домѣхъ своих имѣемъ всякое преполнение и изобилие, и есть вещь явственна, яко жены, во младости и во всяком изобилии оставшиися, по своей воли живушия, зѣло друголюбны и не постоянны суть бывають, и скоро имуть вѣру бесѣдамъ сказанія. Показують при юношахъ мяккая глаголанія и плясанія, и радостны ся творят о похотной вещи. Юноши же, видяще ихъ благоприятных к себѣ, радостнѣ с ними бесѣдующих, наипаче к таковой любви безстыдно прильпляются. И всякими козми и злохитростми онѣхъ подходятъ, и с праваго пути совращають, вселюбезно во блудныхъ похотѣхъ пребывают и всякими дарами онѣхъ юношъ даряють. Гораздо с трудностию такову нашу жену купеческую мочно обрѣсти, которая бы к такову диаволскому совѣту не пристала, ко юношы во своей младости не пребывала, и дарами бы ихъ не дарила, и ко прелести бы ихъ къ себе не вдавала. А ты, господине мой Викентий, зѣло жену свою над инѣми нашими женами похваляешь, но и во всякой добродѣтели возносишь. Смѣлъ бы я с тобою о тысящи златыхъ заложитися! Хотя азъ жены твоя не знаю, токмо о семъ гораздо вѣмъ, что она от мене не отстоится, имать быти должна в моей воли».

Викентия же сия рѣчь уязвила велми, и глагола Викентий Амбросию: «Хощю за то главу мою заложити, что ты не имаши такова дѣла над женою моею сотворити и по ея добронравію то учинити». И иныя же купцы, слышавше то, посмѣяшася, прочии же совѣтующе, дабы како тое рѣчь промежду ими унять. Но Викентий всячески хотѣ со Амбросиемъ в закладъ за такое досаждение главу свою положити. Амбросий же рекъ: «О главѣ в закладъ положити не хощю, но положимъ заклад со мною о пяти тысящахъ златых. Обаче доволно есть и сего, и ничто же насъ заклад сій вредитъ». Викентий же на томъ закладѣ подав Амбросию руку, и дали разнять прочимъ другомъ своимъ, которыя хотѣли то между ими развѣсти, и писаниемъ в томъ залогу утвердишася крѣпце. Наипаче же Викентий той залогъ крѣпце закрѣпи: понеже онъ в Венеѣ градѣ многое время уже не бысть и до жены своя не имѣлъ ничего написати, ниже с посланники чего къ женѣ своей сказати, дабы жена его о томъ закладѣ отнюдь не вѣдала, понеже вѣды ея во всемъ себѣ вѣрну и добронравну и велми на ню надѣяся, яко не вдасть себе ко блудной похоти и не повинется² воли не своего мужа. И тако разыдошася кииждо о себѣ.

Амбросий же отплывъ от града Парижа и приѣха ко граду Венеѣ. И начать прилѣжно искати, како бы и коимъ образом могъ бесѣдовати с Викентиевою женою. И не возможе времени такова уллучити, дабы гдѣ ея узрѣлъ и самъ собою побѣсѣдовалъ, понеже из дому своего не исходима есть. И от многихъ честныхъ женъ и цѣломудренных Амбросий же слышавъ сие, яко во всем благо-

¹ никаких; ² не покорится.

нравна и благочестива есть, понеже и крѣпкожителна¹. И начатъ искать инаго к ней пути злокозненнаго и умышлениемъ лукавымъ начатъ под ню подходить.

Слышите, любимицы, сию притчу: идѣже диаволь чего не можетъ сотворити, той научить и послет человека, волю диаволу творящаго. Посла же ко Амбросию такое зло — бабу обавницу², та же баба прежде сего зѣло знаема была в дому Викентиевъ. Амбросий же, изыскавъ тое бабу, увѣщавъ и зѣло одаривъ, и повѣда ей намѣрение свое: «Аще сие ми сотвориши, еже быти ми в дому Викентиевъ и видѣти жену его, азъ за клятвою великою обѣщаюся дати тебѣ болша тѣхъ дарований. Буди ми в сем дѣле помощница!» И тако Амбросий со оною бабою умыслиша лукавство сотворити: приговариваша скрыню велию, или сундукъ, яже сокровища влагахуся или драгое одѣяние, на той же скрынѣ учиниша утлину, или скважню, дабы мочно извнутри зрѣти, и замокъ придѣлаша извнутри же. Потомъ оная баба пришедъ в домъ Викентиевъ и молила жену его Флорентию: «Молю тя, госпоже моя, не презри прошения моего! Имамъ нѣкую нужду отѣхати от града сего недалече. И аще милость твоя възыщется надо мною, повели ми скрыню мою со имѣниемъ моимъ в домъ свой привести и соблюсти ю при себѣ токмо едину ночь, понеже вѣмъ тя во всемъ благочестиву и боящуюся Бога. А окрестныя сосѣди имамъ близ дому моего не постоянныи и зѣло радующиися чуждему имѣнию, и насилующе похишаху, и того ради велми опасуюся вещей моихъ, яже в скрынѣ, тамо без себе оставити». Слышавши же то жена Викентиева, не разумѣ лукавыя козни, но простодушно повелѣ ей скрыню свою принести на соблюдение имѣния ея, понеже первѣе оная баба в дом Викентиевъ много приходилаше и пакости никоея не дѣяше.

Баба же, шедши, повѣдала Амбросию: «Господине, трудно тебѣ таковы госпожи достовати и никогда до нее дойти невозможно. Дабы тое добронравную жену имѣти могль к твоей воли, едино тебѣ учинити могу, что в ложи ея чрезъ едину ночь будеши. И тако ты никто же знати не будетъ, и не возможеши никому явитися. Но егда будеши ввнутри ложа Викентиева, тогда по твоему разуму твори како можеши». Амбросий же сему рад бысть. И влѣзши в скрыню, повелѣ себе замкнути, извнутри же можетъ самъ себе откнутъ. И тако замкнувши Амбросия, повелѣ баба за собою нести четверемъ человекомъ наемшимся до жены Викентиевы и упростила, дабы велѣла тое скрыню поставити во своей ложницы пред очима ея. Флорентия же повелѣ ей тое скрыню во своей клѣти поставити, идѣже сама опочиваше. И тако внесши и поставиша ю прямо ложа ея. Баба же, поклоншися Викентиевъ женѣ, скоро из дому ея поиде, яко бы в путь готовящися пойти: «Есть ли дастъ Господь здраво возвратитися, то наутрѣе паки по тое скрыню прииду».

Амбросий же, послушавъ то, яко уже в скрыни стоит в клѣти, и ис скрыни утлиною посмотривъ по клѣти, и не видѣвъ никого же, ниже слышавъ глаго-

¹ ведущая строгий образ жизни; ² ворожею, колдунью.

лющих, вси бо, поставиша оную скрыню, ис клѣти изыдоша и замкнуша. Онъ же отомкнувъ скрыню и излѣзе вонъ, и прииде ко клѣтным дверемъ, и, усмотрив тамо, укрѣпився извнутри добрѣ, дабы кто к нему не вшелъ. Онъ же присмотривъ во клѣти всему прилежно — одеждам и коврамъ, и на одрѣ посланной ложи, и иннымъ всякимъ узорочным¹ вѣщемъ. И узрѣвъ при возглавии стоящую шкатуну², добрѣ изрядную работою содѣянну, и возьмъ, отомкнувъ, со многоцѣннымъ сокровищемъ госпожи Флорентии. И много ту было различныхъ имени-тыхъ вещей. Онъ же взя оттуду два клейнота³, что наилучшия и дражайшия, да поясъ и перстень. И взявши, паки замкнувъ. И с тѣми вѣщами убрався, клѣть отомкнувъ, и самъ, в скрыню свою влѣзши, заперся. А перстень и поясъ бысть Флорентии, жены Викентиевы.

Дню же мимошедшю⁴, приближися вечеръ. Прииде же оная целомудренна жена со своими девицами в клѣть свою и сяде на ложи своемъ, и побесѣдовавши с ними чрез малое время, и восхотѣ опочити. И начатъ раздѣваться, и совлекла съ себе со оною одеждою и срачицу. Амбросий же из скрыни увидѣвъ скважнею тѣло ея и под лѣвымъ сосцемъ усмотривъ бородавку с нѣкоторыми власы лисоватыми⁵, и то себѣ в память взял. И, дойде своя злая хитрости, рад бысть.

На утрии же прииде оная баба обавница, взявши свою скрыню и повелѣ паки нести ю во свой дом. Егда же принесеннѣй бывши, отсла прочь принесшихъ. Амбросий же вышедъ ис скрыни и одаривъ бабу добрѣ. И взяв оное драгое сокровище съ собою, и доѣхавъ до града Парижа.

Приѣхавъ же, поиде до онаго дому мужа, идѣже пребываше Викентий, и до инѣхъ купцевъ, и взыскиваетъ своего закладу, пяти тысящъ златыхъ. И начатъ Викентию при инѣхъ купцѣхъ глаголати, яко: «Азъ имѣхъ жену твою в воли моеи. Аще ли не имеши словесемъ моимъ вѣры яти, что жена твоя вѣвела мене в клеть свою и до ложницы, и показа ми в клѣти вся драгия вещи и ковры. И все подобие во клѣти твоей азъ видѣхъ» — все по ряду⁶ ему сказа. «Аще ли и сему видѣнному мною не имеши вѣры, покажу ти явственно, яже имамъ в руку мою азъ драгия вещи твоего сокровища, которыя мнѣ жена твоя, отверзши подобную шкатуну, казала и выбрати велѣла между инѣми многоцѣнными вѣщами на знакъ любве ея ко мнѣ». И вынявъ два клейноты и показавъ Викентию: «Имѣлъ ли еси в дому твоёмъ сия клейноты?» Викентий же видѣвъ свои клейноты и позна. Потомъ же показа Амбросий перстень жены его драгоцѣнный и поясъ. Тогда добрѣ позна Викентий, яко та сокровища любезныя жены его, зѣло усумнѣся и недоумѣвашеся, како содѣяся, и рекъ Амбросию тако о семъ: «Мя увѣрилъ еси, Амбросие, и мню, яко нѣкую кознь сотворилъ еси, да тебѣ сия драгия моя вещи раби мои вдаша за нѣкое дарование к нимъ. А сего поистиннѣ не вѣмъ, да еже бы видѣти тебѣ само-

¹ драгоценнымъ; ² шкатулку, ларецъ; ³ сокровища, драгоценности; ⁴ когда же день прошел; ⁵ рыжеватыми; ⁶ по порядку.

му жену мою и сия вещи дати на знакъ любления, понеже никогда таковое безстыдство бысть в ней». Амбросий же рече ему: «Господине Викентий, аще ли мнѣ не имеши вѣры, то азъ предъ всѣми людьми явственню и о сокровенной запазушной вещи повѣдаю ти, аще подлинно хочещи увѣритися. Твоя бо жена подлѣвымъ сосцемъ своимъ иматъ червленую бородавку съ пятию или з шестію власы лисоватыми». Людие же, слышавше то, доволно тому Амбросію вѣру яша. Викентий же с великою болѣзнию воздохнувъ и велми прослезися о разлучении жены своея. Той же залог Амбросію, пять тысящъ златыхъ, товарами многоцѣнными отдале и от великаго стыда от града Парижа со слугою своимъ до другаго града поиде в велицѣй печали и скорбию обдержимъ.

И оттуда писа Викентий к женѣ своей Флорентии: «А какъ мое сие писание къ тебѣ приидеть, и тебѣ бы немедленно до мене ѣхати». А слугѣ своему приказаль под великимъ запрещениемъ скоро жену свою в путь выпроводить и на пути в темномъ лесу ея задавити или заклати: «А азъ ти за сие общаюся добръ одарити». Той же слуга общася господину своему тако сотворити и повѣление его исполнити. И тако отѣха от господина своего къ женѣ его съ епистолиею¹.

И приѣха до града Еневы, до госпожи своея, и епистолию ей поднесѣ. Она же прочетши епистолию и велми о томъ начатъ дивитися, и рече: «Когда таково было, еже господинъ мой повелѣ ми скоро к себѣ приѣхати? Прежде бо сего отнюдь таково не бывало!» И начатъ слуги присланнаго со всяцѣмъ испытаниемъ вопрошати. Онъ же отнюдь ей не повѣда, но токмо рекъ: «Мню, яко того ради ѣхати тебѣ до себе повелѣ, яко еще онамо² медлети долго будетъ». Она же, яко добропослушная и добрая жена, рекла: «Тако буди воля господина моего надо мною! Не могу ослушати ся его». И такъ, уготовившия в путь, поѣха со онымъ слугою.

И егда приѣхаша в лѣсъ, приступи слуга ко госпожи своей з жалостию и с великимъ плачемъ. Нача ей наединѣ глаголати, повѣдая повелѣние господина своего, яко «на семь лесу с великимъ запрещениемъ повелѣ тебе удавити». Она же вопрошая вины: «Чего ради тако мужъ мой повелѣ тебѣ надо мною сотворити? Понеже не вѣмъ, в чемъ бы я предъ нимъ была неисправна³». Слуга же отповѣда ей: «Воистинну сего не вѣмъ, госпоже моя, чесо ради сице прогнѣвася на тя». Госпожа же начатъ раба того молити со слезами и с великимъ рыданиемъ, и с хлипаниемъ многимъ, дабы к ней явился милостивъ в таковой горкій смертный час и не погубилъ бы ея. Рабъ же той, видѣвъ госпожу свою горко и зѣлне плачущуюся о скоромъ убиении, зжалился, зря на ню, и совлекль с нея ризы ея, и облече ю во свое мужское платие в ветхое. И глагола ей: «Гряди, госпоже моя милостивая, во здравии твоёмъ, идѣже нѣсть тебѣ твоихъ сродниковъ и знаемыхъ, дабы тебе ради азъ главы моя не потратилъ. А азъ твое платие донесу господину своему, а твоему сожителю Викентію, для увѣрения и забытия твоего». Потомъ

¹ письмо, послание; ² там; ³ виновата.

же Флорентия остригши власы главы своя, и облечеса въ мужское платие, и нарече себе Истваном. И поклоншися рабу своему на нозѣ, плачущися, и во хлипании своемъ не возможе ни единого слова проглаголати. Рабъ же подъемъ ю от земли, и паки другъ з другомъ прощение сотвориша. И поѣха рабъ той ко господину своему.

Истван же поиде въ путь свой незнаемый и, шедши, нача плакати и глаголати в себѣ: «О дражайши сожителю мой и прелюбезны хранителю моя младости и тлѣнныя красоты! Что азъ тебѣ злое сотворила? И чимъ толико прогнѣвала тебе? Кто разруши нашу промеж собою нелицемѣрную любовь? И кто насъ разлучи союза законнаго, когда ты, любезный мой господине Викентий, таковъ немилосердъ ко мнѣ былъ еси? Воистинну злобнаго словесе никогда же ми сотворил еси, за которое неисправление реклъ еси. Всегда яко зѣницу ока любезно хранилъ мя еси. Но какое сие твое немилосердие прииде на мя, не вѣмъ, Богъ вѣсть. И излиляъ еси скоро и незапно на мя гнѣвъ твой. Которую твою заповѣдь азъ, окаянная, преступила? И в чемъ твоей честности когда преслужала? Но за помощию Божию, любя тебе, моего Богомъ дарованнаго пастыря и любезнаго сожителя, волю твою во всемъ творила и честь свою хранила, преисполненный домъ твой добрѣ соблюдала и имѣния твоего бездѣльно никогда не истощила, дѣти твоя в добрѣ наказании и в любви воспитала, рабы и рабыни гладомъ и наготою не томила, и никакому ихъ злу не учила, и поругательства надъ ними никогда не чинила, но во всемъ по твоему благочестию яко мати ко приснымъ чадамъ нелицемѣрную любовь казала. А се днесъ азъ, бѣдная, вмѣсто онѣхъ болѣзнь восприемлю злую, яко едина есть отъ убогихъ и безкровныхъ сиротъ, скитаюся по пустыни, не имѣючи, гдѣ главы моя бѣдныя подклонити». И, воздѣвъ руцѣ свои на небо, с великимъ плачемъ вопияше: «О Владыко человекѣлюбче, Господи, Творче небесе и земли! Не постави имъ во грѣхъ сего, иже мя, злочастную, разлучиша отъ любезнаго моего сожителя и дѣти наша осиротѣша. Но отъ всея души моя тебѣ, Творцу моему и Содѣтелю всего мира, отселѣ чада моя вручаю. Буди ты, Господи, тѣмъ сирымъ отроковицомъ помощникъ и заступникъ, и хранитель, и милостивъ, понеже бо ты единъ вся вѣси, яко безъ мене, горкая и безчастная матере, иже некому уже ими попещися и въ добромъ учении, наказании милувати и приизирати, отвсюду бо вскорѣ осиротѣша. О Боже мой, Боже мой, премилостивый Царю! Чесо ради прежде сего незапнаго разлучения не повелѣлъ еси изъяти изъ мене мою душу грѣшную, дабы азъ, грѣшная и бѣдная раба твоя, не вѣдала безпокровнаго сиротства любезнымъ чадамъ моимъ! Не даждь имъ, Господи, премилостивый Владыко, Царю Небесный, дабы когда могли въ безпризрѣнии своемъ ко срамному и студному дѣлу прийти! И коснися имъ съ высоты славы твоя, симъ сирымъ отроковицамъ, десницею твоею, и воздержи ихъ отъ всѣхъ злыхъ творений <...>, и всели страхъ твой въ сердца ихъ, и научи ихъ ходити право по стезямъ заповѣдей твоихъ, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ, аминь». И потомъ, воздѣвъ руцѣ, ко Приснодеви и Божии Матери сиче вопиюще и глаго-

люще: «О всемилостивая Госпоже Царице и Богородице, Мати Господа вышняго! Внуши и услыши гласъ мой и вопль, и стенание сердца моего, и слезы, проливаемые ко Господу Богу и тебѣ, помощнице и наставнице всего мира! Призри на мя, убогую и вскорѣ внезапно обнищавшую рабу твою! Буди мнѣ наставница тверда и путеводительница крѣпка. О прелюбезная и премилосердная Мати Царице и Богородице, помилуй мя, вскорѣ обнищавшую! Благоволи же, Господи Боже мой, единѣ въдыи тайная сердца моего, мужеву моему, рабу твоему Викентію, сие незлобие мое явѣ возвѣстити и еще объявити ему о мнѣ в жизни моей. Ими же вѣси, судбами. Ты, Господи, едина надежда моя, ты единѣ упование мое, и в руцѣ твои предаюся. Что ми по твоему Божию смотрению тако терпѣти, твори, Создателю мой, что ти есть годно. Время мнѣ таково прииде и час терпѣнню приближися. Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка». И тако от плача и рыдания едва преста и Божиим наставлениемъ поиде по пустыни в путь незнаемый.

И вскорѣ доиде до града Александрии. И пребысть тамо нѣколько время, скитаяся во градѣ между началствующими людми и всѣмъ с радостию служаше. И тако познася от онѣхъ началствующихъ самому александрийскому салтану, яко «прекрасный прииде отрокъ и явился в державѣ твоей, и зѣло разумень, и достоинъ есть быти при твоемъ величествии». Салтанъ же повелѣ Иствана предъ собою привести. Приведену же бывшую¹, абие зря салтанъ на Иствана, велми удивися красотѣ лица его и многому разуму. И повелѣ Иствану во градѣ Александрии началнымъ человекомъ надъ купецкими людми быти, да у приѣзжихъ купецкихъ людей заморскія товары переписываетъ и досматриваетъ, да с тѣхъ купеческихъ многоцѣнныхъ товаровъ пошлину и оброки царю салтану собираетъ. И по его, Истванову, собранию у царя салтана казна велми умножися. Истванъ же в толикомъ собрании салтану зѣло бысть вѣренъ и собираше салтану многое богатство, яко инъ никто же тако прежде не собираше. И того ради салтанъ Иствана велми любляше и от своихъ богатыхъ сокровищъ Иствана по премногу обогатилъ есть. И бысть Истванъ повсюду славенъ и всѣмъ началствующимъ и купецкимъ людемъ знаемъ. И любимъ бысть, и пребываше в величествии.

Муж ея Викентій от великия своей печали едва в добрый разумъ прииде. И воспоману о дому своемъ. И тако прииде во градъ Еневъ и вниде в домъ свой. Срѣтоша же его с великимъ плачемъ и горкимъ рыданиемъ осиротѣвшія двѣ дщери его с рабы своими. Онъ же узрѣ ихъ, яко едины есть от убогихъ сиротъ, в худѣй и чернѣй одежде облеченны и образомъ побледнѣвшія, власы же имѣющіе до пояса простертыя и свившіяся, яко стрѣлы. Онъ же объемъ ихъ и напад на выя ихъ, плача и рыдая, и не возможе во слезахъ своихъ и во хлипанинѣ ни единого слова к нимъ проглаголати. И самъ себе обличаше, яко в толикомъ сиротствѣ презрѣлъ ихъ и забвенныхъ учинилъ. И бысть в дому его плачь и стенание, и вопль

¹ когда же его привели.

многъ. Осиротѣвшія дщери плакахуся любезныя матери своя, рабы же и рабыни премилостивыя госпожи своя Флорентии. И пребысть Викентий в дому своем нѣколико время, плача и сѣтуя, и от всѣхъ спрашивая вины жены своя. Дѣти же его и рабы и рабыни с плачемъ ротящися¹, глаголаху, яко: «Ни единъ от насъ сего и до сего дне и слухом ни от кого не слыхали, яже глаголеши, не токмо самѣмъ таковое дѣло, нашедше на ны², видѣти. Но токмо вѣмы, яко внезапно рожшия нас матери лишихомся и таковаго ради скорога разлучения доднесь не видѣхом ни дне, ни часа радостна. А что над нею содѣяся и чесо ради, не вѣмы, Богъ единъ вѣсть». Викентий паки приложи слезы ко слезамъ. И пребысть нѣколико время в дому своем со дщери своими во многом сѣтовании.

В то же время во Александрии бысть великое и преславное торжище. Собравшася множество купеческихъ людей от всѣхъ странъ и великихъ градов со всякими драгими товары. Истван же с приѣзжими купеческими людьми зѣло изрядно и со всѣми любезно пребываше, а наипаче со своими единостранными влохами³, с которыми языкъ изрядно разумѣ. И с ними сошедшися, с радостию о всякихъ прилучаяхъ бесѣдоваше. Тамо же приѣха и лстивый Амбросий от града Пляцѣнтии, который злым своим лукавством разлучилъ Иствана съ мужемъ своимъ Викентиемъ, а неправедным залогом Викентиевымъ дойде великаго богатства. И, приѣхавъ во Александрию, постави дворъ себѣ между венецкихъ купецкихъ селениих.

И моляше Амбросий Иствана, дабы изволилъ приѣхать и посѣтити его, и посмотрилъ быхъ у него драгоценныхъ вещей «и что твоей честности полюбится». А самъ Амбросий богатством и драгими вещми Викентиевыми возношашеся: «Не имаши от мене драгоценно приобрѣсти ничто же?» Истванъ же, ѣздя по торговищу, и приѣха ко Амбросию, и вниде к нему в дом. Амбросий же встрѣте Иствана с радостию, и веде его внутрь селения своего, и показа ему вся драгия вещи. И промежду тѣми товары узрѣ Истванъ свой поясъ и перстень многоцѣнный, который украде Амбросий въ дому Викентиевъ, будучи во скрыни своей. Лукавнѣ⁴ смотря Истванъ на то свое похищенное драгое сокровище, дивися и недоумѣвашеся, како и в кое время таковое сокровище Амбросию достася. И нача Истванъ Амбросия вопрошати с велицѣм испытаниемъ: «Како тебѣ, господине, сия драгия вещи, откуда досташася и каковою цѣною купилъ еси я?» Амбросий же отвѣща, посмѣявся: «Господине мой, честнейши Истване! Аще годны честности твоей сия вещи, клейноты и перстень, и сий поясъ, благоволи себе възяти их, яко мнѣ сия вещи не драгою цѣною пришли: во градѣ Еневѣ нѣкая прекрасная госпожа купца Викентия, жена его, дарова мнѣ на знакъ любви своя». Истванъ же разумѣ то, яко Амбросий злодѣй бысть им и разлучникъ союза ихъ. И тако у Амбросия прия сия вещи с радостию и за то общася ему

¹ клянущися; ² на нас; ³ итальянцами; ⁴ тайком.

нѣкакую мзду воздати. И тако с ним увѣщася, доколѣ онъ, Амбросій, вси товары своя испродасть.

И нача Истванъ у инѣхъ купцѣвъ о мужи своемъ Викентии вопрошати *прилѣжно*, живѣ ли есть и гдѣ пребываетъ. Купцы же повѣдаша, яко живѣ есть, но в великом убожествѣ в дому своемъ пребывает. Истванъ же оным купцемъ показа оныя драгия вещи, клейноты, и перстень, и пояс. Купцы же познаша и начаша повѣдати Иствану: «Господине честный Истване, сия клейноты и поясъ, и перстень драгоцѣнный неблагодарный Пляценский Амбросій от дому благонаправнаго и смиреномудраго купца Викентия своим злым умышлениемъ досталъ, будучи во градѣ Еневѣ. Той бо благонравный Викентій, вѣдый¹ благочестивую и доброжителну жену свою Флорентию, похвали ея во всѣхъ добродѣтеляхъ, бывши во градѣ Париже. Той же злонравный муж Амбросій позавидѣ ихъ доброму сожитию, похвалися на домъ его, яко имать жену его привести во свою волю. И о сем Викентій велми поболѣвъ сердцемъ, не терпя Амбросиева досаждения, биша о великій заклад в пяти тысящахъ златыхъ, яко не имать в дому его быти и жены его видѣти, не токмо ея до воли своея привести. Той же многокозненный врагъ, купецъ Амбросій, по залогѣ ходилъ во град Еневѣ и своим злохитрствомъ бывъ в дому Викентиевъ. И сия драгоцѣнныя вещи невѣдомо гдѣ и како похитивъ и во град Парижъ на показание всѣмъ принесе. Викентій же видѣвъ драгия вещи сия и позна, яко его дому сокровища та, и вѣру сему ят. И оный залогъ многими драгими товарами и вещми за пять тысящъ златыхъ оному Амбросію отдаде. И того ради Амбросій великимъ богатствомъ хвалится. А Викентій всеконечно с женою своею Флорентіею разлученъ бысть, зане повелѣ жену свою вскорѣ рабу своему убити нѣ в коемъ темнѣ лесу. Рабъ же той милосердовавъ о ней, дарова ей вмѣсто смѣрти животъ, яже самъ втайнѣ за клятвою нам сказа. И нынѣ жена его, Викентіева, скиташеся яко едина есть от убогихъ». Истванъ же, сие слышавъ, велми прослезился. И онѣхъ купцѣвъ, иже ему повѣдаша правду, попремногу одаривъ и начатъ велми жаловати, и смѣло им повелѣ во Александрии в торговли пребывати.

И молитъ Истванъ онѣхъ купцевъ, дабы за его прошение отписали во град Еневѣ къ Викентію, чтобы во Александрию скоро пришелъ, яко: «Вси твои залого в руцѣ твои возвратятся, и печаль твоя на радость преложится, и взыдетъ печаль на главу оскорбившему тя. Ты же безо всякаго сомнѣния подщися приити не мѣшкавъ. О семъ бо твоёмъ пришествіи вси поручаемся, яко не водше твое пришествіе будетъ во град Александрию». Оныя же купцы по прошению Иствана писаша во градѣ Еневѣ ко оному купцу Викентію и за поручениемъ своимъ с великою вѣрностію. И по семъ Истванъ моли оныхъ купцевъ, чтобы то его моление к нимъ тайно было и никто бы того отнюдь не вѣдалъ, дондеже Господь Богъ по своей праведной воли что сотворитъ. Купцы же Иствану сие сотво-

¹ зная.

риша за велиею клятвою, яко ни единъ развѣ ихъ можетъ вѣдати, доколѣ Викентий во Александрию приидетъ.

И послаша к Викентию вѣрна человека съ ѣпистолиею. Викентий же епистолию прочетъ и недоумѣваяся, дивяся бывшему, глаголя в себѣ: «Господи Боже мой, ты вся вѣси! Что сие бысть? И кто можетъ толикую печаль от сердца моего отъяти, иже мя в конецъ сокруши? Но обаче¹ буди воля твоя надо мною, Боже и Творче мой, Создателю и Избавителю, твори, еже благоволиши». И тако упование свое возложи на Господа Бога Вседержителя, глаголя: «Буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка, аминь». И тако поиде в путь свой. В пути же его помогая ему во всемъ Господь Богъ. И скоро приплоче во град Александрию.

Истванъ же реченный, жена Викентиева, зѣло соблюдаше лукаваго Амбросия и надзираше его, дабы не ушелъ из града Александрии. И часто его к себѣ емлюще, и всячески его угостѣвая и любовь к нему яко ко присному другу показоваше, и самъ его посѣщаше всегда, чимъ бы его удержати до Викентия. И единою² того Амбросия Истванъ приведе предъ лице салтаново и первѣе упокоивши его всякими питии с великою честью. И похвалися Истванъ предъ салтаномъ милостию онога Амбросия, яко драгими вещми одари его. И положи Истванъ предъ салтаномъ оныя драгия вещи, клейноты и поясъ, и перстень драгоцѣнный. Салтанъ же видѣвъ тыя драгия вещи, зѣло дивися и начатъ Амбросия вопрошати: «Како и откуда таковыя драгия вещи в руку твою приидоша?» Амбросий же, не чая себѣ ничего злаго, повѣда салтану всю истинну, яко похваляяся или величание себѣ в томъ творяше. Салтанъ же удивляяся, а Истванъ, слушающа, от великия болѣзни сердечныя воздохнувъ, обаче яко нѣкое новое благополучие обрѣте — очима плачаша, сердцемъ же велми радуяся.

И услыша Истванъ от онѣхъ купцевъ, яко Викентий во Александрию прииде. И начатъ Истванъ молити царя салтана, да повелитъ предъ себе купцевъ представить, Викентия от града Еневы да Амбросия, иже от града Пляцѣнтии. Салтанъ же для моления вѣрнаго и любимаго своего слуги Иствана повелѣ к себѣ боляръ своихъ и думныхъ созвати и сѣде с ними на судище, и онѣхъ купцевъ вскорѣ повелѣ предъ собою представить. Викентий же и Амбросий сташа предъ царемъ. И абие Истванъ принесе оныя драгия вещи, клейноты и поясъ, и перстень драгоцѣнный, и положи на столъ предъ царемъ и предъ всѣми боляры. И паде предъ царемъ Истванъ и начатъ со слезами у царя просити милости: «Прошу ты и молю, вседержавнѣйши и великий царю, сотвори судъ между нами праведный. Сия драгия клейноты и поясъ, и перстень, еже за твою царскую ко мнѣ милость даровалъ ми есть сий онъ купецъ Амбросий. Изволи, великий царю, вопросити его при всѣхъ предстоящихъ и присѣдящихъ твоему царскому сигклицу, гдѣ онъ, Амбросий, и какимъ промысломъ сия драгия вещи досталъ, дабы

¹ однако; ² однажды.

онъ при твоей царской милости и пред всѣмъ твоимъ честнымъ сигклитомъ истинну повѣдал». Царь же салтанъ тако рекъ: «Зѣло бо азъ имѣю в памяти прежнее Амбросиево о сихъ вещехъ повѣданіе, но токмо сигклитомъ и всѣмъ боляромъ о семъ истину повѣдай». И рекъ Амбросію: «Повѣждь ми при всѣхъ самую истинну и не погрѣши ни в чемъ. Не убойся мене, ниже кого постыдися. Аще будетъ сия вина, но обаче явенъ грѣхъ малу вину творить. Слышахъ бо азъ про сего купца Викентія, яко былъ есть зѣло благославенъ в куплѣхъ своихъ, но како в толикое убожество прииде, не вѣсть бо здѣ никто же, токмо ты, Амбросіе. Повѣдай правду сигклитомъ моимъ. А азъ от тебе прежнее повѣданіе добрѣ в памяти своей вѣмъ. Повѣдай нынѣ истинну свою явѣ, да вси слышаши увѣдятъ».

Сердце же оному злодѣю Амбросію зѣло ужасеся, видя близ себе купца Викентія стояща. И помысли в себѣ, яко: «Аще и истину азъ пред царемъ повѣмъ или не истинну, не будетъ обличающаго». Зане чаяше, яко жена Викентіева убиена есть, а инѣхъ на сию истину свидѣтелей нѣсть. А о семъ недоумѣвашеся, что Истванъ жена Викентіева есть. И паки то в себѣ помысли, яко: «Аще за неправду мою и повелитъ царь салтанъ онѣй залогъ вспяту возвратити сему Викентію, и то мнѣ тщета будетъ неболшая, понеже чуждее отдать неболѣзненно, но азъ тѣмъ залогомъ приобрѣтохъ себѣ богатство многое». И повѣда Амбросій царю при всѣхъ болярехъ и думныхъ весь свой злокозненный поспѣхъ¹ того дѣла, како, будучи во градъ Парижи, похвалился онъ Викентій многими добродѣтели, и крѣпкимъ житіемъ, и милостивымъ нравомъ жены своея Флорентіи, и противу сего глаголахъ с похвалою, яко: «Аще и попремногу добронравна жена твоя, но от мене не отстоится, но сотворить волю мою, его же азъ пожелаю. Сей же Викентій за оную мою досаду хотѣ залогъ со мною положить за добродѣтель жены своея главу свою, что отнюдь воли моею не имать сотворити. Азъ же о главѣ залога положить не восхотѣхъ и рекъ ему, Викентію: „Положимъ между собою залогъ о пяти тысящахъ златыхъ”. И тако договорившася, положихомъ таковой залогъ. Прилучиша же ся ту с нами наша братія, разныхъ градовъ купцы, и на томъ залогъ руки наша разняша. Сей же Викентій остался во градъ Париже, азъ же отплыхъ оттуду и доплыхъ до града Еневы. И начат тамо окрестъ живущихъ дому Викентіева сосѣдей спрашивати о женѣ его, како бы сподобился ея видѣти и побесѣдовати с нею. Сосѣди же повѣдаша ми, яко отнюдь с нею невозможно нигдѣ снити², понеже бо неисходима есть из дому своего и пребываетъ в великой крѣпости и добронравии. Азъ же начахъ искати к ней иного пути. И обрѣтохъ нѣкоторую бабу по своему намѣренію, еже поползновенна есть на пріятіе даровъ и в домъ Викентіевъ входима есть. Азъ же начатъ любезно к ней припадати и дары ей вдахъ. И посла ея в домъ Викентіевъ, да присмотритъ тамо входы и исходы, и что есть в дому Викентіевѣ от нарочитыхъ ве-

¹ успех, удача; ² сойтись.

шей, и гдѣ, и в какихъ мѣстахъ лежащая, да возвѣститъ ми о всемъ явственно, чтобы мнѣ и чимъ увѣрити Викентія. Она же баба бысть в дому ихъ и видѣ, яко инако ми въ дому Викентиевъ видѣти жену его невозможно, умысли мя в скрыни тамо принести. И тако молила жену его, Викентиеву, дабы ей повелѣла скрыню ея в дому своемъ в клѣти поставити на едину ночь, идѣже ложе ея. А о себѣ повѣда женѣ Викентиевъ, яко бы отъйти от града недалече нѣкое ради потребы. Добронравная же и простодушная она госпожа Флорентія повелѣ ей скрыню свою принести. Баба же, пришедши, возвѣсти ми о семъ, яко и како быти тебѣ невозможно в дому Викентиевъ, но токмо развѣ сокрытися в скрыни и отнесенну быти тамо. Сотворихом же скрыню велию и утлину потаенную из нея. И тако в скрынѣ оной отнесенъ бысть в домъ Викентиевъ и поставленъ в клѣти при ложи жены его. И посмотрихъ оною потаенною утлиною по всей клѣти, и не видѣ мя тамо никто же, отомкнувся извну и вышед ис скрыни, и ходих единъ по клѣти, и вся вещи, тамо бывшия, присмотрихъ. И узрѣ при возглавии ложнѣмъ¹ шкатуну водоейную и отворихъ ея, и сия драгия клейноты и поясъ, и перстень из шкатуны взяхъ съ собою, и тако в скрыню свою влѣзохъ и замкнувся извнутри. И егда преиде день и приближися вечеръ, прииде она же госпожа Флорентія в клѣть свою з дѣвицами, и сяде на ложи своемъ, и начат раздѣватися. И с прочею одеждою и срачицу съ себе совлечет. Азъ же утлиною прилѣжно смотряхъ и узрѣ на тѣле ея под лѣвымъ сосцемъ бордавку з пятию или з шестию власы лисоватыми. А с нею ни единого слова не глаголахъ и гласа моего не смѣяхъ явити ей, а потомъ нигдѣ никогда же не видѣхъ ю».

Викентий же услыша от Амбросія таковыя глаголы и от великия болѣзни паде на землю, яко мертвъ. И едва отдохнувъ, и начат рыдати и глаголати: «О злый и многокозненный Амбросие! Порадовахся тлѣнному богатству, неправду ми еси прежде о женѣ моей повѣдалъ! Азъ же простою моею душею пояхъ вѣры ложному твоему доводу и того ради залог той отдахъ и добронравную жену мою без всякаго милосердія рабу своему в пустѣ мѣсте повѣлѣхъ за то убити и полскимъ² звѣремъ и птицамъ небеснымъ на снѣдение оставити». И сия слышавши царь салтанъ, князи и боляре и весь сигклить царскій зѣло о семъ печални быша, и мяхкосердечнии же велми прослезившеся, и увѣщающе Викентія от плача и рыдания.

Истванъ же, не могій от слез удержатися, начат с великимъ рыданиемъ плакати. Приступи близ Викентію и паде пред царем, глаголя: «О пресвѣтлый и вседержавный царю! Благодарю тя за премногую твою ко мнѣ милость, яко на правду сего Амбросія привелъ еси. Его же азъ, окаянная, отнюдъ никогда же видѣла. Се бо мужа моего Викентія ложно до великаго убытку доведе и нестерпимыя срамоты достави. А мене, бѣдную и убогую, в погибель врину и в вѣчное

¹ в изголовье постели; ² полевым.

позорище и посмѣятелство приведе, и худыя славы доставилъ. А сей Викентий есть воистинну возлюбленный мой мужь!» И, объемиши Викентия, начат рыдати зѣлне и облобыза его, и рече ему: «Сожителю мой драгий и прелюбезный! Аз есмь возлюбленная жена твоя Флорентия». И отложя стыдь, открывъ перси своя и показа мужеву своему Викентию для достовѣрия под лѣвымъ сосцемъ своимъ борадавку с лисоватыми власы. Викентий же добръ увѣрився. И вси, зряще в той часъ, познаша ю быти жену. Царь же салтанъ начатъ дивитися з боляры своими доброму разуму и смиrenomудрию жены Флорентии, яко в толикой печали и во многом сѣтовании и скорби велицѣй не премѣни благочестия своего, но обаче уцѣломудрися и во всемъ служении своемъ царю салтану любима велми бысть.

И въ той часъ повелѣ царь салтанъ залогъ Викентиевъ у Амбросия скоро взяти и вся имѣния, еже приобрѣлъ есть Амбросий тѣмъ богатствомъ, повелѣ Викентию и женѣ его отдати. Купца же Амбросия нага поставляше. И повелѣ царь вскорѣ медомъ намазати его по всему тѣлу и, отвезше в лѣсъ, за ребра повѣсити. И тако от различныхъ червей, и от ось, и от пчель, и от шерсней, и от мухъ, и от пауковъ, и от слепней на долгое время яденъ бысть и злѣ замучися.

Викентий же з женою своею Флорентиею царю салтану воздаша благодарение за истинное его правосудство. И облечеса Флорентия в женское платье, и бысть велми прекрасна, добротою своею процвѣтая, якоже доброплодный финикъ, и добронравиемъ украшаяся, яко маслина плодовита, паче многихъ славныхъ женъ. Царь же отпусти ихъ с миромъ и проводити ихъ повелѣ до града Еневы со всѣмъ имѣниемъ Амбросиевымъ до дому ихъ во всякомъ благочестии и славе велицѣй. И своими царскими дарами по премногу одари ихъ за оную вѣрную службу и за великое терпѣние Истваново.

Баба же оная, которая помогала злокозненному Амбросию во злодѣйствѣ его, должна бы была по повелѣнию цареву велицѣй муцѣ. Но прежде увѣдала, яко за ея промысломъ повелѣ Викентий жену свою убити, убояся велми и прежде пришествия ихъ во град, скоро шед в нѣкое мѣсто, сама ся обѣсила¹.

По семъ же Викентий з женою своею доидоша до града Еневы и до дому своего и начаша жити в велицѣй радости и в веселии, славяще Христа Бога и Пречистую его Богоматерь. И от имѣния своего начаша милостыню многу творити, рабы и рабыни своя надѣляти добръ и вся убогия и бѣдныя, хромыя и слѣпыя в домъ свой приводити и питати, и нагия одѣвати, и того ради наипаче богатствомъ отвсюду множашимся. И тако в великомъ богатствѣ и славѣ пожиша лѣта доволна. Чада своя воспитавше и добръ ихъ управивше со всякимъ преполнениемъ. И рабы своя, якоже и чада своя, богатствомъ преисполниша и свободу коемуждо ихъ даша. Рабы же до живота ихъ не восхотѣша отъйти никако, они же самоволно, яко отцевъ чада, держажуся и служахуся имъ вѣрно во всемъ.

¹ повесилась.

Оного же раба, иже дарова Флорентии живот вмѣсто незапныя смерти, нача-ша зѣло любити и жаловати по премногу, яко сына своего едиnorodнаго, и вся имѣния своя ему вручиша. Онъ же вмѣсто господина своего бысть во градѣ Еневѣ славный купецъ и во вся страны и в поморья своими корабли плавания творяше, и во многихъ окрестныхъ царствахъ славенъ и честенъ купецъ, якоже и Викентий.

Зрите, любимицы, яко правда от смерти избавляет,
иже кто ея крѣпцѣ в себѣ сокрывает.

Конецъ.